Дата поступления рукописи в редакцию: 27.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.09.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-67-73

АДИАТУЛЛИН Рустем Искандерович,
второй отдел по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета РФ по РТ (г. Казань), руководитель,
e-mail: mail@law-books.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ПАТЕРНАЛИСТСКАЯ МОДЕЛЬ ЗАЩИТЫ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПРОЦЕССА: ИСТОКИ СИСТЕМНОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ ИНСТИТУТА ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Аннотация. *В статье на основе введенной категории «законодательная модель принятия обвинительных решений» представлен историко-правовой анализ генезиса института обвинительного заключения в России в X-XIX веков. Автором установлена нелинейность эволюции института, включающая этап институционального регресса в инквизиционный период, и выявлено системное противоречие между декларируемой целью защиты прав обвиняемого и государственно-патерналистским методом ее обеспечения (монополией государства на формирование обвинения). Доказано, что данное историческое противоречие объективно воспроизводится в современной российской модели обвинительного заключения, определяя ее качественное отличие от зарубежных аналогов и обуславливая необходимость дальнейшего поиска путей повышения эффективности данного процессуального института.*

Ключевые слова: *обвинительное заключение, история уголовного процесса России законодательная модель, стандарт доказывания, инквизиционный процесс, технологический суверенитет, государственно-патерналистская модель, состязательность сторон.*

ADIATULLIN Rustem I.,
head of the second department for the investigation of particularly important cases in the investigative department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan (Kazan)

THE STATE-PATERNALISTIC MODEL OF PROTECTING THE RIGHTS OF THE ACCUSED IN THE HISTORY OF RUSSIAN LEGAL PROCEEDINGS: THE ORIGINS OF THE SYSTEMIC CONTRADICTIONS OF THE INDICTMENT INSTITUTION

Annotation. *Based on the introduced category of the "legislative model of making accusatory decisions," the article presents a historical and legal analysis of the genesis of the institution of the indictment in Russia in the 10th–19th centuries. The author establishes the non-linear nature of the institution's evolution, which includes a stage of institutional regression during the inquisitorial period, and identifies a systemic contradiction between the declared goal of protecting the rights of the accused and the state-paternalistic method of ensuring it (the state's monopoly on forming the accusation). It has been proven that this historical contradiction is objectively reproduced in the modern Russian model of the indictment, determining its qualitative difference from foreign counterparts and necessitating further search for ways to improve the effectiveness of this procedural institution.*

Key words: *indictment, history of the criminal process in Russia, legislative model, standard of proof, inquisitorial process, technological sovereignty, state-paternalistic model, adversarial nature of the parties.*

ВВЕДЕНИЕ

Институт обвинительного заключения, являясь центральным элементом досудебного производства, в современной российской доктрине и практике подвергается критике за формализм и обвинительный уклон, истоки которых требуют историко-правового осмысления. В статье на основе введенной категории «законодательная модель принятия обвинительных решений» обосновывается наличие исторически обусловленного системного противоречия: декларируемая гуманизация судопроизводства и защита прав обвиняемого обеспечиваются государственно-патерналистским методом – монополией государства на формирование обвинения. Доказывается, что эволюция института носила нелинейный характер и включала этап институционального регресса в инквизиционном процессе (XVII–XVIII вв.), когда самостоятельный обвинительный акт исчезал, а функции обвинения, защиты и разрешения дела сливались; заложенное в этот период противоречие объективно воспроизводится в современной российской модели, определяя ее качественное отличие от зарубежных аналогов и обуславливая необходимость поиска путей повышения эффективности данного процессуального института.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ

Цель исследования заключается в том, чтобы обосновать наличие исторически обусловленного системного противоречия в институте обвинительного заключения, заключающегося в несовпадении декларируемой гуманизации судопроизводства и государственно-патерналистского способа обеспечения прав обвиняемого. Для достижения обозначенной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть содержание категории «законодательная модель принятия обвинительных решений» как инструмента историко-правового анализа; проследить эволюцию данной модели в дореформенной России через призму четырех выделенных исторических периодов; выявить сквозные закономерности развития института; доказать нелинейный характер эволюции института, включавший этап институционального регресса в инквизиционном процессе. Историко-правовой анализ института обвинительного заключения в российском уголовном судопроизводстве необходим для решения двух типов исследовательских задач: ретроспективных и прогностических. Первые предполагают изучение генезиса и эволюции института, вторые – формирование методологической объяснительной основы, позволяющей понять современное функционирование института и предложить пути повышения его эффективности.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования составляет историко-правовой подход, сочетающий исторический метод для прослеживания эволюции института с X по XIX век, формально-догматический анализ и логико-юридическую интерпретацию правовых памятников в рамках авторской категории «законодательная модель принятия обвинительных решений», а также сравнительно-правовой (диахронный) метод и системно-структурный подход для выявления сквозных закономерностей развития и доказательства нелинейного характера этого процесса.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Институт обвинительного заключения в российском уголовном процессе содержит системное противоречие, заложенное еще на ранних этапах его формирования: декларируемую гуманизацию судопроизводства и защиту прав обвиняемого обеспечивали преимущественно государственно-патерналистские механизмы при ограниченном развитии процессуальной состязательности. Такое противоречие между целью (защита прав обвиняемого) и методом (монополия государства на формирование обвинения) наблюдается на всех этапах исторической эволюции института. Воспроизводство данного противоречия определяет особенности современной модели обвинительного заключения и ее качественное отличие от зарубежных аналогов, развивавшихся в направлении усиления процессуальных гарантий стороны защиты и расширения состязательных элементов.

Под государственно-патерналистскими механизмами в данном контексте понимается система процессуальных институтов, в которой защита прав обвиняемого обеспечивается преимущественно государственными органами (следователем, прокурором, судом) в рамках их контрольных и надзорных полномочий при минимальном участии самого обвиняемого и стороны защиты в формировании содержания обвинения. Термин «патернализм» отражает традиционную, исторически обусловленную идею об «отеческой» заботе государства о своих гражданах, когда монарх или государственная власть принимали на себя обязанность защищать подданных от произвола и несправедливости. Государство берет на себя функцию обеспечения прав обвиняемого через механизмы прокурорского надзора и судебного контроля, исходя из презумпции, что лицо, вовлеченное в уголовное судопроизводство, нуждается в защите со стороны публичной власти и не всегда способно самостоятельно эффективно отстаивать свои интересы.

Такая патерналистская модель содержит внутреннее противоречие: государство одновременно выступает и обвинителем, и защитником прав обвиняемого, что создает структурный конфликт интересов. Монополия государственных органов на формирование обвинения и контроль

за соблюдением прав обвиняемого превращается в своего рода препятствие обвиняемому в реализации его прав через активное процессуальное противодействие обвинению при содействии защитника. Таким образом, государственно-патерналистские механизмы, исторически направленные на защиту прав личности, в условиях несбалансированного развития состязательных начал приводят к ситуации, когда обвиняемый оказывается скорее объектом государственной опеки, чем полноправным субъектом процессуальных отношений. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, обусловливает известное критическое отношение к институту обвинительного заключения в современном российском уголовном процессе [1, 3, 11].

Исследование генезиса законодательного регулирования обвинительного заключения в дореформенный период в России (X-XIX вв.) требует определения базовой аналитической категории, позволяющей системно анализировать разнородный исторический материал от Русской Правды до Свода законов Российской империи. В качестве такой категории выступает «законодательная модель принятия обвинительных решений».

В настоящем исследовании под законодательной моделью принятия обвинительных решений понимается исторически обусловленная система правовых предписаний, регламентирующих процесс формирования, содержание, форму и порядок вынесения итогового обвинительного документа на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, включающая определение компетентных органов и должностных лиц, требования к обоснованию обвинения, стандарты доказывания и процессуальное оформление решений.

Предложенная дефиниция позволяет выделить устойчивые элементы законодательной модели, эволюция которых прослеживается на протяжении исследуемого периода:

субъектный состав (кто формулирует обвинение);

процессуальная форма акта (наименование, структура, реквизиты);

содержательные требования (описание деяния, доказательства, квалификация);

стандарты доказывания (формальные доказательства vs. свободная оценка);

процессуальное значение акта (самостоятельный документ или часть приговора);

порядок принятия и обжалования решения.

Интересующий нас исторический период (X–XIX вв.) характеризуется, в частности, множественностью законодательных актов, различными типами процесса и формами государственного устройства. Это обусловливает необходимость специальной периодизации, позволяющей выделить качественно различные этапы развития института и проследить логику его эволюции в концептуальных рамках предложенной нами законодательной модели принятия обвинительных решений [7, 9].

Анализ правовых источников позволяет выделить четыре основных периода эволюции законодательной модели принятия обвинительных решений. Такое деление показывает, как изменение соотношения частного и публичного начал, процессуальной формы обвинения и стандартов доказывания последовательно подводит к появлению самостоятельного обвинительного акта как необходимого элемента справедливого уголовного судопроизводства [2, 4, 5, 6, 8, 12, 14, 15].

Период первый – частно-обвинительный процесс (X–XV вв.) – характеризуется пониманием обвинения как частного права потерпевшего, при котором обвинительный акт функционально тождественен исковому заявлению. Субъектом формирования обвинения выступает исключительно потерпевший (истец), тогда как государство не участвует в процессе уголовного преследования. Действует принцип «нет истца – нет процесса», определяющий зависимость возбуждения и продолжения производства по делу от воли частного лица. Процессуальной формой обвинительного акта служит первоначально устное заявление на суде (вече, княжеский суд), позднее трансформирующееся в исковую челобитную. Принципиальным является неразделенность обвинения в совершении преступного деяния и гражданско-правового иска о возмещении причиненного вреда [9].

Период второй – формирование публичного обвинения (XV – середина XVII вв.) – отмечен возникновением дуализма частного и публичного обвинения, при котором государство начинает выступать самостоятельным субъектом уголовного преследования. Законодательная модель этого периода характеризуется сосуществованием двух каналов инициирования уголовного процесса: частного обвинения посредством челобитной потерпевшего, применявшегося в отношении большинства преступлений, и публичного обвинения через извет, донос или произнесение формулы «слово и дело государево», предназначенного для преследования государственных преступлений. Появление института «государева сыска» (розыска) указывает на начало формирования публично-правовой природы уголовного преследования [10].

Период третий – господство розыскного (инквизиционного) процесса (середина XVII – конец XVIII вв.) – представляет собой поворотный этап в эволюции законодательной модели принятия обвинительных решений и характеризуется ослаблением обвинительного акта как самостоятельного правового института. Сущностью данного пе-

риода является слияние функций обвинения, защиты и разрешения дела в лице единого субъекта – следователя (судьи), что приводит к поглощению обвинительного акта приговором. Следователь одновременно выступает обвинителем, «защитником» (в патерналистском понимании) и лицом, выносящим приговор, что полностью исключает состязательность и независимую проверку обоснованности обвинения. Потерпевший утрачивает роль обвинителя и низводится до положения свидетеля или источника информации о преступлении. Господствующим становится принцип «судья – отец подсудимого», отражающий патерналистскую концепцию инквизиционного процесса, в рамках которой государство в лице следователя берет на себя обязанность установления истины и защиты интересов всех участников процесса, включая обвиняемого.

Период четвертый – кризис инквизиционной модели и поиск реформ (конец XVIII – 1864 гг.) – характеризуется осознанием недостатков розыскного процесса, попытками разделения функций обвинения и разрешения дела и формированием идеи самостоятельного обвинительного акта как необходимого элемента справедливого судопроизводства. Этот переходный период не создает завершенной законодательной модели, однако в нем формируются концептуальные и институциональные предпосылки судебной реформы 1864 г., без понимания которых появление обвинительного акта в Уставе уголовного судопроизводства было бы исторически необъяснимо [5, 7].

Анализ четырех периодов эволюции законодательной модели принятия обвинительных решений в дореформенный период позволяет выявить ряд закономерностей, имеющих методологическое значение для понимания современного состояния института обвинительного заключения.

Первая закономерность состоит в движении от частного к публичному началу в уголовном преследовании. Обвинение трансформируется из частного права потерпевшего, реализуемого в собственных интересах (период первый), через дуализм частного и публичного обвинения (период второй) к исключительно публичной функции государства (периоды третий и четвертый). Эта траектория отражает объективный процесс усиления государственной власти и осознания общественной опасности преступлений, требующих публичной реакции независимо от воли потерпевшего. Современное обвинительное заключение является актом публичного обвинения, составляемым следователем как представителем государства, однако потерпевший сохраняет право участвовать в уголовном преследовании (ст. 42 УПК РФ [13]), что свидетельствует о синтезе публичного и частного начал.

Вторая закономерность заключается в движении от слияния к разделению процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела. В раннем периоде истец мог одновременно выступать и обвинителем, и судьей (на вече), в инквизиционном процессе следователь соединял функции обвинителя, защитника и судьи, что исключало объективность и справедливость. Постепенное осознание того, что беспристрастное правосудие невозможно, если одно лицо обвиняет и судит, привело к разделению этих функций между различными субъектами. Современное обвинительное заключение является документом стороны обвинения, который подлежит проверке и оспариванию в состязательном судебном разбирательстве, при этом суд не связан обвинением и оценивает его критически.

Третья закономерность отражает эволюцию процессуальной формы от устного обвинения к письменному и от тайного к гласному. Устная форма обвинения в частно-обвинительном процессе сменяется письменной формой, обеспечивающей определенность обвинения и возможность его документирования. Тайное письменное обвинение инквизиционного процесса, при котором обвиняемый не знал содержания обвинения до приговора, трансформируется в письменное публичное обвинение состязательного процесса, предъявляемое обвиняемому и обеспечивающее реализацию права на защиту. Современное обвинительное заключение представляет собой письменный документ, который обязательно предъявляется обвиняемому (ст. 222 УПК РФ), что гарантирует конституционное право знать, в чем лицо обвиняется.

Четвертая закономерность состоит в движении от иррациональных и формальных доказательств к свободной оценке доказательств по внутреннему убеждению. Ордалии и судебный поединок, основанные на идее «Божьего суда», сменяются системой формальных (легальных) доказательств с иерархией доказательств и принципом «признание – царица доказательств». Отказ от формальной теории доказательств связан с пониманием того, что истина не может быть установлена механически по заранее заданным правилам, а требует рациональной оценки всей совокупности доказательств компетентным субъектом. Современное обвинительное заключение содержит оценку доказательств следователем, основанную на его внутреннем убеждении, однако суд не связан этой оценкой и оценивает доказательства самостоятельно на основе принципа свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ).

Пятая закономерность заключается в усложнении содержания обвинения от простого описания деяния к мотивированному обвинению с развернутым анализом доказательств. Первоначально обвинение ограничивалось указанием на

факт причинения вреда («убил», «украл») без какой-либо юридической квалификации или обоснования. По мере развития законодательства появляется квалификация деяния по статьям закона, затем – перечисление доказательств, и наконец – мотивированное обвинение с анализом доказательств и обоснованием вывода о виновности. Современное обвинительное заключение содержит полный перечень обязательных элементов (ч. 1 ст. 220 УПК РФ), включая подробное описание фактических обстоятельств преступления, формулировку обвинения с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса, перечень доказательств и обстоятельств, подлежащих доказыванию, что свидетельствует о высокой степени формализации и детализации содержания обвинительного документа.

Шестая закономерность, имеющая принципиальное методологическое значение, состоит в нелинейности исторического развития института. Эволюция законодательной модели принятия обвинительных решений не представляет собой поступательного прогрессивного движения, а включает периоды регресса. Во втором периоде наблюдается разделение обвинительного акта и приговора, свидетельствующее о формировании самостоятельного обвинительного документа, однако в третьем периоде происходит слияние обвинения и приговора, что означает исчезновение обвинительного акта как самостоятельного института. Лишь в четвертом периоде вновь начинается процесс разделения этих документов, завершающийся в результате судебной реформы 1864 г. созданием обвинительного акта в его современном понимании. Данная закономерность показывает, что инквизиционный процесс представляет собой регресс с точки зрения развития процессуальных гарантий прав обвиняемого, и любые попытки возврата к розыскным началам (например, через расширение полномочий следователя за счет судебного контроля) противоречат объективной логике эволюции состязательного процесса [7].

Выявленные закономерности позволяют сделать вывод, имеющий не только историко-описательное, но и теоретико-правовое значение: развитие законодательной модели принятия обвинительных решений в дореформенный период представляет собой процесс поиска такой процессуальной формы, при которой обвинение может существовать как самостоятельный, мотивированный и подлежащий проверке акт, ограничивающий государственное преследование правовыми рамками. История формирования обвинительного акта показывает, что его становление было связано не с простым усложнением процессуальной техники, а с постепенным утверждением фундаментального требования – отделения обвинения от функции разрешения дела и подчинения уголовного преследования гарантиям защиты. Именно поэтому исчезновение обвинительного акта в условиях инквизиционной модели следует рассматривать не как частную особенность отдельного этапа, а как показатель системной деформации уголовного процесса, при которой утрачиваются границы между обвинением, доказыванием и правосудием. Соответственно, возрождение обвинительного акта в предреформенный период и его последующее закрепление в результате судебной реформы 1864 г. выражают не просто институциональную модернизацию, а принципиальный переход к такой модели судопроизводства, в которой законность обвинения обеспечивается его процессуальной определенностью, предварительной текстуальной формой и возможностью судебной проверки. В этом состоит главный историко-правовой итог рассмотренной эволюции: обвинительный акт сформировался как юридическая форма, необходимая не только для организации уголовного преследования, но и для ограничения публичной власти в интересах справедливого правосудия.

Таким образом, анализ генезиса законодательной модели принятия обвинительных решений в дореформенный период в России (X-XIX вв.) подтверждает нашу гипотезу об исторически обусловленном системном противоречии между целью (защита прав обвиняемого) и методом (монополия государства на формирование обвинения). Это противоречие возникает во втором периоде, когда государство начинает выступать субъектом уголовного преследования; достигает кульминации в третьем периоде, когда следователь одновременно обвиняет и судит; частично разрешается в четвертом периоде через попытки введения прокурорского надзора и разделения функций, однако не устраняется полностью даже в результате судебной реформы 1864 г. Государственно-патерналистское понимание защиты прав обвиняемого, сформировавшееся в инквизиционном процессе, когда следователь рассматривался как «отец подсудимого», обязанный заботиться о его интересах, сохранилось и в пореформенный период, несмотря на введение состязательных начал.

Список литературы:

[1] Абрамова, Л.Л. Типичные ошибки, допускаемые при производстве предварительного расследования, влекущие возвращение судьей (судом) уголовного дела в досудебное производство: аналитический обзор / Л.Л. Абрамова, Н.Г. Логинова, О.В. Меремьянина, М.В. Монид. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. – 52 с.

[2] Амплеева, Т.Ю. История уголовного судопроизводства России (IX–XIX вв.): автореф. …

д-ра юрид. наук / Т.Ю. Амплеева. – Москва, 2009. – 57 с.

[3] Андреева, А.Ю. К вопросу об основаниях возвращения уголовного дела прокурору судом / А.Ю. Андреева // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 31. – С. 144–147.

[4] Бабенко, В.Н. Особенности становления и развития системы правосудия в Древней Руси (IX–XII вв.) / В.Н. Бабенко, М.Б. Аверин // Вестник РПА. – 2020. – № 2. – С. 5–10.

[5] Бардеев, К.А. Пытка как уголовно-правовой феномен: компаративистское исследование: автореф. … канд. юрид. наук / К.А. Бардеев. – Краснодар, 2023. 2– 3 с.

[6] Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 640 с.

[7] Загоскин Н.П. История права Московского государства / Н.П. Загоскин. – Казань, 1877.

[8] Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России / М.Г. Коротких. – Воронеж, 1989.

[9] Мурадханов, К.Ю. Становление и развитие правового положения прокурора в уголовном судопроизводстве Российской империи / К.Ю. Мурадханов // История государства и права. – 2014. – № 10. – С. 47–49.

[10] Российское законодательство X–XVIII в. Судебная реформа. / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1991. Т. 8. – 495 с.

[11] Российское законодательство X–XX в. в 9-ти томах / под общей редакцией О.И. Чистякова. – М: Юридическая литература, 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. Т. 1 / ответственный редактор член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук профессор В. Л. Янин. 1984. – 430 с.

[12] Степанов-Егиянц, В.Г. Анализ некоторых распространенных ошибок при формулировании обвинения, ограничивающих право на защиту / В.Г. Степанов-Егиянц, Д.П. Чекулаев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. – 2022. – № 4. – С. 211–215.

[13] Стус, Н.В. Уголовно-судебное право России XII–XIX вв.: историко-юридическое исследование: автореф. … д-ра юрид. наук / Н.В. Стус. – Белгород, 2015. – 56 с.

[14] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174–ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

[15] Упоров, И.В. Уголовно-процессуальные аспекты в Судебнике 1497 года: историко-правовой контекст / И.В. Упоров // Гуманитарный научный вестник. – 2022. – № 4. – С. 18–23. – URL: http://naukavestnik.ru/doc/2022/04/UporovI.pdf (дата обращения: 29.01.2026).

[16] Упоров, И.В. Уголовный процесс в русском централизованном государстве в середине и второй половине XVII века / И.В. Упоров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9-5 (96). – С. 237–241.

References:

[1] Abramova, L.L. Typical mistakes made during the preliminary investigation, entailing the return of the criminal case by the judge (court) to pre-trial proceedings: analytical review/ L.L. Abramova, N.G. Loginova, O.V. Meremyanina, M.V. Monid. - Krasnoyarsk: SibYuI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. - 52 s.

[2] Ampleeva, T.Yu. History of criminal proceedings in Russia (IX-XIX centuries): author.... Dr. Jurid. Sciences/T.Yu. Ampleeva. - Moscow, 2009. - 57 p.

[3] Andreeva, A.Yu. On the question of the grounds for returning the criminal case to the prosecutor by the court/A.Yu. Andreeva // Issues of Russian justice. – 2024. – № 31. - S. 144-147.

[4] Babenko, V.N. Peculiarities of the formation and development of the justice system in Ancient Russia (IX-XII centuries)/V.N. Babenko, M.B. Averin // RPA Bulletin. – 2020. – № 2. - S. 5-10.

[5] Bardeev, K.A. Torture as a criminal law phenomenon: comparative research: author.... cand. jurid. Sciences/K.A. Bardeev. - Krasnodar, 2023. 2-3 s.

[6] Vladimirsky-Budanov, M.F. Review of the History of Russian Law/M.F. Vladimirsky-Budanov. - Rostov-on-Don: Phoenix, 1995. - 640 s.

[7] Zagoskin N.P. History of the law of the Moscow state/N.P. Zagoskin. - Kazan, 1877.

[8] Korotkikh M.G. Autocracy and judicial reform of 1864 in Russia/M.G. Korotkikh. - Voronezh, 1989.

[9] Muradkhanov, K.Yu. Formation and development of the legal status of the prosecutor in the criminal proceedings of the Russian Empire/K.Yu. Muradkhanov // History of the state and law. – 2014. – № 10. - S. 47-49.

[10] Russian legislation X-XVIII century. Judicial reform ./Ed. O.I. Chistyakov. - M.: Legal literature, 1991. VOL. 8. - 495 p.

[11] Russian legislation of the X-XX century. in 9 volumes/under the general editorship of O.I. Chistyakov. - M: Legal literature, 1984. T. 1: Legislation of Ancient Russia. T. 1/executive editor, corresponding member of the USSR Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor V. L. Yanin. 1984. - 430 s.

[12] Stepanov-Yegiyants, V.G. Analysis of some common errors in the formulation of charges that limit the right to defense/V.G. Stepanov-Yegiyants, D.P. Chekulaev // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and Law.

– 2022. – № 4. - S. 211-215.

[13] Stus, N.V. Criminal law of Russia of the XII-XIX centuries: historical and legal research: author.... Dr. Jurid. Sciences/N.V. Stus. - Belgorod, 2015. - 56 s.

[14] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 18.12.2001 dated 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 24.12.2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.

[15] Uporov, I.V. Criminal procedural aspects in the Judicial Code of 1497: historical and legal context/I.V. Uporov // Humanitarian Scientific Bulletin. – 2022. – № 4. - S. 18-23. - URL: http://naukavestnik.ru/doc/2022/04/UporovI.pdf (access date: 29.01.2026).

[16] Uporov, I.V. Criminal process in the Russian centralized state in the middle and second half of the 17th century/I.V. Uporov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – № 9-5 (96). - S. 237-241.